

В затишке на балтийском берегу,
что в прошлом веке называли сковородкой
курсанты КВИМУ и студенты КГУ,
я кутаюсь от ветра, берегу
тепла остатки, согреваюсь водкой,
но что с собой поделать, не пойму.

Полвека жизни проскрипело по песку,
так незаметно, как крадется море
к заснувшему под жарким солнцем льву
и, кажется, что держит на плаву
вода в плену поселки взятые измором
пока поэты пьют и ближнему поют хвалу.

Сегодня зябко мне, лишь памяти следы
на выглаженной ветром дюне
свидетельством любви или вражды,
что здесь случилась с нами в том июне.
Все исчезает, времени потоки, подъем воды,
крушащий все в итоге, и онемевшие от холода дрозды.

Но не сдается море ноябрю, в его глубинах живет тепло,
поутру, волна еще несет янтарь на сушу,
порой мне кажется, твоей туники белое крыло
воды касается, прибой все глуше, глуше,
туман над берегом, твое в нем узнаю лицо,
к тебе протягиваю руки, но понимаю – время истекло.

Робко босая Ева
 ступает по снежному насту,
 зябнет старая дева
 шахтерского рая,
 метель не стихает,
 сегодня в раю ненастье.
 Узкая тропка бежит по краю,
 от линии фронта до шахты,
 ангел на вахте лениво
 крылами гильзы и снег разгребают
 давно ни войны, ни мира, уныло
 в душах, а Богу для акта творенья
 угля не хватает.

Тает и падает снег,
 от обстрелов и холода сад обомлел,
 птичьих стаяк не слышен гомон,
 околел на ветру райский ворон,
 трепет в душах, вчера Бог изрек –
 размножайтесь, и сразу же выпал снег,
 а следом и град полетел.
 Но как размножаться в холод?

Свернувшись, в коробке
 от дамского счастья,
 мерзнет робкий
 Адам в сапогах и шинели,
 пережидает войну, годами
 в окопах сидеть очертело,
 фиговыми листьями и прыжками
 не согреешь тело.

Яблоки в инее,
 ни змею, ни Еве
 их не достать,
 древо познания,
 (кому как не ангелам знать)
 растет на разделительной линии,
 не избежать поругания,
 скользко, лишь гимнастам
 доступны ветки с плодами,
 да где таких нынче взять.

В оцепенение змей,
осталась целомудренной Ева,
Адам не сорвал свое яблоко с древа,
так Земля без людей опустела.
Не стреляйте, берегите тепло для людей,
размножайтесь, Ева тоже хотела,
да вот не успела.

АНГЕЛЫ НЕ ОБЪЯСНЯЮТСЯ

Ангелы не объясняются матом,
они не объявляют войн,
в братьев наших лохматых,
бедных, а может, богатых,
размахивая автоматом,
не разряжают обойм.
Они берут грешников за руки
и, нежно глядя в глаза,
читают молитвы Радонежского
и вирши Ивана Франка.
Они говорят: «Братишки,
пошлите к черту вождей,
разлейте в стаканы горилки
и рюмки налейте полней.
Попарно возьмемся за руки
и двинем в ближайший кабак...
Но косо глядят украинцы,
и русские глухо молчат.
И ширится заваруха,
и некому слово сказать,
а православные ангелы
в канавах дорожных лежат.

ФЕВРАЛЬ

Нынче робка, как дева зима,
то пришла, то ушла. Сиротливы дома
без пушистого снега,
но проклянется скоро
на вербе листва и в струях дождя
будет долго тянуться весна,
как бродяга вдоль озерного берега.

Что поделать. Хоть жизнь коротка,
переждем, переждем, как сухие дрова
эти месяцы грусти,
как не медлит река,
но кораблики детства сбиваются в устье
и эскадрами канут в века
салютуя гудками и пеньем волчка.
Сядь поближе. Попробуй сберечь,
хоть немного тепла, хоть немного. Печь
остынет за долгую ночь,
и спасеньем для зябнувших плеч
лишь объятая останутся, впрочем, прочь
уходит зима, птичья ранняя речь
за окном, обещаьем счастливых встреч.

***

Снег выпал в ночь на воскресенье.
Весь город спал, а в тишине
Кружился снег, и во спасенье
Рождалось чудо в вышине.
Кружился снег и падал в реку
Еще свободную от льда,
Мне все казалось – Человеку
Жить без любви никак нельзя.
Мне все казалось, где-то, где-то
За старой школой во дворах
Идут два юных человека
И держат счастье в руках.
Пойдем и мы бродить по паркам,
По стихшим к ночи площадям,
Через мосты пройдем украдкой
И выйдем к первым поездам.
Где все так зыбко, так тревожно,
Но невозможное возможно,
Где я из старенькой тетрадки
Стихи читаю по слогам.

НЕБЕСНЫЙ ПАРТИЗАН

Поштучно слова подбираю,
шепчу их, нанизывая на ритм,
как лесной партизан в раю
оленину нижет на шомпол,
к собачьему лаю
прислушиваясь с облаков
или прячась от ангелов в подпол.

Кто его убедит, что война утихла,
он победил, уж нет его вожаков,
войска разошлись по домам,
но жив язык его земляков,
звучащий от Брянска и рая,
до ада и Амстердама.
Живым не хватает небесных смыслов
и детских счастливых снов –
Партизан, на землю опусти коромысло
с полными ведрами слов.

ВРЕМЕНА ГОДА

В наш город полный тайн и волшебства
нагрянет осень, выходных не зная,
срывает листья, под ноги швыряет из щедрости, а больше – озорства.
Ах, эта осень пьяная, глухая, дождливая, но все-таки моя.

Охапки листьев, в жажде торжества,
познания изменчивой природы, расстелит щедро осень пред тобою
и ты определитель насекомых раскроешь, слово книгу бытия,
и считаешься и будешь поглощен зимою.

В наш век наивных мудрецов, забыв о неге сна
и муках яви, ты допьяна напьешься талой влаги,
очнешься от зимы и прохрипишь – пришла весна.

Но грянут грозы, из небытия восстанут травы,
оживут дубравы и с нежностью небесного отца
тебя объемлет лето, так жизнь летит, и нет на времена управы.

***

Иго страсти пало
осада снята
с непроступного тела
сброшено одеяло
сарацинского лета
вырвано жало
ты спала
когда я –
одинокий воин покидал
опаленные негой поля
нелюбви
увы, после жатвы стерня
колет сердце и ноги
нет, я не предал тебя
просто для такой любви
не хватило
воздуха в легких
одинокий наводит печаль
на ночное светило и небо
только время допьет их
печали до дна
тасуя как шулер
зимы и лета
но где там
снова грядет весна

***

Нет, не в Углич,
Только не в Углич,
Не зови меня по весне,
Там царевич Дмитрий загублен,
Там ладьи плывут по реке.
Слышишь, Дмитрий,
Зачем тебе перышко?
Не броди по двору в тоске,
Вот, возьми лучше вострый ножичек,
Вырезай стихи на доске.
И последний законный из Рюриков
Резал букочки на берегу,
И зарезался, и зарезался,
Сам зарезал себя и страну.
С той поры от вражды
Не избавились,
Кровью харкаем в царской узде
Самозванцы мы, самозванцы...
И ладьи плывут по воде.